

В.В. Зеньковский

Проблема психической причинности

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 101
ББК 87
В11

В11 **В.В. Зеньковский**
Проблема психической причинности / В.В. Зеньковский – М.: Книга по Требованию, 2023. – 444 с.

ISBN 978-5-458-54422-1

ISBN 978-5-458-54422-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Оглавленіе.

	СТР.
Введеніе	1— 12
1. Ростъ психологіи. 2. Необходимость критической обработки основныхъ понятій. 3. Необходимость анализа понятія психической причинности. 4. Затрудненія при выясненіи этого понятія. 5. Различіе феноменологическаго и генетическаго анализа. 6. Общій планъ изслѣдованія.	
Часть I. Логико-гносеологическій анализъ понятія причинности.	13—120
Вводныя замѣчанія	13— 17
Глава I. Логическій анализъ понятія причинности	18— 70
1. Методологическія замѣчанія. 2. Основные моменты въ понятіи причинности. 3. Постоянство связи явленій, какъ признакъ причинности. 4. Послѣдовательность явленій, какъ признакъ причинности. 5. Антиноміи времени въ причинномъ отношеніи. 6. О понятіи времени. 7. Проблема инерціи. 8. Отношеніе причины и дѣйствія во времени. 9. Значеніе момента послѣдовательности для понятія причинности. 10. Необходимость связи, какъ признакъ причинности. 11. Необходимость и причинность. 12. Переходъ силы, какъ признакъ причинности. 13. Анализъ „перехода силы“. 14. Условія и причины. 15. Критеріи причинности. 16. Итоги анализа понятія причинности. 17. Законъ и принципъ причинности.	

Глава II. Гносеологическій анализъ проблемы причинности.	71—120
1. Задачи гносеологическаго анализа. 2. Гносеологическое происхождение понятія причинности. 3. Роль внѣшняго опыта въ образованіи его. 4. Роль внутреннего опыта. 5. Проблема апріорности. 6. Гносеологическое происхождение закона и принципа причинности. 7. Гносеологическая функція понятія причинности. 8. Сужденія воспріятія и сужденія опыта. 9. Проблема реализованія. 10. Идеализмъ и реализмъ. 11—13. О реальности времени. 14. Гносеологическая цѣнность понятія причинности. 15. Гносеологическій смыслъ закона и принципа причинности.	
Часть II. Анализъ психической причинности.	121—393
Глава I. Понятіе причинности въ современномъ естествознаніи	121—156
1. Различіе общаго понятія причинности и его конкретныхъ формъ. 2. Математическое естествознаніе. 3. Механическое объясненіе природы. 4. Проблема телеологіи. 5. Границы механическаго объясненія природы. 6. Проблема органической причинности. 7. Психовитализмъ. 8. Понятіе „конечной причины“. 9. Проблема психической причинности.	
Глава II. Проблема психической причинности въ современной психологіи	157—202
1. Трудность характеристики отношенія современной психологіи къ проблемѣ психической причинности. 2. Классификація теорій психической причинности. 3. Физиологическій эпифеноменизмъ. 4. Спиритуалистическій эпифеноменизмъ. 5. Периферическая теорія душевной жизни. 6. Проблема психической причинности у Гербарта; взгляды психіатровъ. 7. Ученіе Вундта о психической причинности. Взгляды Laas'a. 8. Взгляды Липпса, Бергсона, Фулье, Лопатина, Лоскаго. 9. Взгляды Мюнстерберга и Наторпа. 10. Итоги.	
Глава III. Анализъ психической причинности.	203—370
а) <i>Общіе вопросы</i>	203—275
1. Вопросъ о приложимости понятія причинности къ психикѣ. 2. Подчиненность психики времени. 3. При-	

мѣненіе къ психикѣ понятія силы. 4. Понятія акта и содержанія. 5. Связи содержанія и ихъ смыслъ. 6. Разборъ взглядовъ Наторпа. 7. Проблема реализованія въ психології. 8. Проблема эпифеноменизма. 9. Итоги.

б) *Систематическій обзоръ специальныхъ вопросовъ.* 245—370

10. Проблема памяти. 11. Теорія памяти. 12. „Сохраненіе“ образовъ и его смыслъ. 13. Причинное пониманіе „сохраненія“ образовъ. 14. Периферическая теорія душевной жизни. 15. Сліяніе однородныхъ содержаній; вліяніе повторенія. 16. Анализъ „ассоціаціи идей“. 17. Связь образовъ по содержанію. 18—19. Проблема воспроизведенія. 20. Процессы мышленія. 21. Проблема воображенія. 22. Анализъ эмоциональной сферы. 23. Анализъ волевой сферы. 24. Проблема личности. 25. О понятіи „центра“ психической жизни. 26. Проблема воспріятія. 27. Проблема вниманія. 28. Понятіе опыта.

Глава IV. Психофизическая проблема 371—393

1. Постановка проблемы. 2. Понятіе психофизической причинности. 3. Природа психофизической связи. 4. Душа и мозгъ. 5. Взаимоотношеніе низшей и высшей психики. 6. Источники психической энергіи.

Часть III. Итоги. 394—435

Глава I. Понятіе психической причинности со стороны его объема. 394—414

1. Общія замѣчанія. 2. Проблема свободы волн. 3. Понятіе относительной безпричинности. 4. Законъ причинности и границы приложимости его къ психикѣ.

Глава II. Понятіе психической причинности со стороны его содержанія. 415—431

1. Двѣ стороны въ психической причинности. 2. Телеологическій характеръ психической причинности. 3. Творческій характеръ психической причинности и его смыслъ. 4. Вопросъ о „законахъ“ психической жизни.

Заключеніе. 431—435

Проблема психической причинности.

Прив.-доц. В. В. Зѣньковскаго.

ВВЕДЕНІЕ.

1. Едва ли кто нибудь будетъ спорить противъ того, что психологія вполне уже сформировалась, какъ научная дисциплина. Объ этомъ, повидимому, лучше всего говорить необыкновенный ростъ психологіи — тѣ безчисленныя работы и изслѣдованія, которыя появляются каждый годъ, тѣ новыя вѣтви психологическаго знанія, которыя успѣли созрѣть и обособиться, наконецъ, тотъ расцвѣтъ творческой мысли, который проявляется въ разныхъ теченіяхъ общей психологіи. Чрезвычайно возросъ также и научный вѣсъ психологіи, какъ въ глазахъ представителей другихъ научныхъ дисциплинъ, такъ и у широкой публики. Слѣдуетъ также отмѣтить, что и въ сферѣ чистой философіи, и въ различныхъ дисциплинахъ, болѣе или менѣе примыкающихъ къ психологіи, мы встрѣчаемъ совершенно определенную тенденцію замѣнить объективное трактованіе тѣхъ или иныхъ проблемъ психологическимъ анализомъ возникновенія этихъ проблемъ для нашего сознанія. Съ этой тенденціей *психологизма* и до сихъ поръ приходится упорно бороться защитникамъ иного трактованія проблемъ науки, — и эта борьба ярче всего говоритъ о томъ, какіе успѣхи сдѣлалъ психологическій анализъ въ освѣщеніи подлежащихъ ему вопросовъ.

2. Но именно этотъ ростъ психологіи таитъ въ себѣ серьезную опасность для нея самой: при необыкновенномъ богатствѣ изслѣдованій по отдѣльнымъ вопросамъ, психологія слишкомъ бѣдна работами по ея общимъ проблемамъ. Методологическая особенность психологіи остается и въ наше время настолько невыясненной и спорной, что даже тѣ понятія, которыми психологи пользуются на каждомъ шагѣ, не имѣютъ опредѣленнаго содержанія. Напрасно мы будемъ объяснять это тѣмъ, что психологія не можетъ создать систему основныхъ понятій, пока она не накопитъ достаточно фактического матеріала. Въдѣ собирая этотъ матеріалъ, мы никогда не можемъ сохранить его въ „сыромъ“ видѣ, — и „чистый опытъ“ не только въ естествознаніи, но и въ психологіи является фикціей. На самомъ дѣлѣ, процессъ собиранія матеріала предполагаетъ примѣненіе понятій; если же мы эти понятія будемъ обрабатывать *послѣ* того, какъ накопится матеріалъ, то значитъ раньше мы пользовались ходячими понятіями, критически не провѣренными и не переработанными. Это и есть *проблема фактовъ* всякихъ фактическихъ изслѣдованій, не опирающихся на ясныя, критически провѣренныя понятія, — а въ психологіи значеніе этой основной ошибки сказывается гораздо сильнѣе, чѣмъ гдѣ либо. Объекты психологическаго изслѣдованія настолько хрупки и неустойчивы, настолько связаны съ индивидуальностью субъекта изучаемыхъ переживаній, что, при доступности этихъ переживаній только ихъ субъекту, ошибки отъ примѣненія къ фактическому матеріалу непровѣренныхъ критически понятій, могутъ стать даже непоправимыми. Развитіе новѣйшей экспериментальной психологіи даетъ много примѣровъ этого печальнаго явленія, — и мы не должны удивляться поэтому, что и до сихъ поръ еще многіе скептически относятся именно къ экспериментальной психологіи. Конечно, скептицизмъ здѣсь едва ли уместенъ, такъ какъ въ блужданіяхъ современной экспериментальной психологіи виновата не природа эксперимента, какъ средства научнаго познанія, а нескритическое пользованіе ходячими психологическими понятіями. Интересы научной психологіи положительно требуютъ поэтому отъ насъ заняться наконецъ критическимъ пересмотромъ основныхъ психологическихъ понятій, безъ чего всѣ многочисленные работы по собиранію фактическаго матеріала теряютъ свою главную цѣнность. И твердо убѣжденъ, что психологія до тѣхъ поръ будетъ находиться въ томъ хаотическомъ состояніи, въ

какомъ она находится теперь, пока она не закончитъ критическаго пересмотра всѣхъ своихъ основъ. Потребность синтеза, столь назрѣвшая въ психологіи и неразрѣшенная тѣми выдающимися дѣятелями, которыхъ дали послѣднія десятилѣтія нашей наукѣ, требуетъ еще героическаго напряженія аналитической мысли, необходимаго для разрѣшенія указанной задачи.

3. Къ числу такихъ критически непровѣренныхъ основныхъ понятій относится прежде всего понятіе психической причинности. Съ одной стороны, понятіе причинности, взятое въ его общемъ содержаніи, настолько сливается съ общей методологической концепціей, составляющей самую душу современной науки, что для насъ научно мыслить и означаетъ примѣнять принципъ причинности. Можно, конечно, спорить о томъ, является ли принципъ причинности апріорнымъ условіемъ опытнаго познанія или результатомъ опыта, но съ точки зрѣнія *психологіи научнаго мышленія* принципъ причинности является настоящей аксіомой, психологически направляющей и освѣщающей всю работу мысли. Въ психологіи, какъ научной дисциплинѣ, это вполне оправдывается: и здѣсь ростъ научности всегда опредѣляется широтой примѣненія понятія причинности. Но какой смыслъ должны мы вкладывать въ это понятіе? Благодаря историческимъ условіямъ развитія научной психологіи, понятіе причинности прямо переносилось въ психологію изъ естествознанія, въ которомъ это понятіе успѣло уже вполне оформиться. Такой некритическій пріемъ не возбуждалъ (а у нѣкоторыхъ мыслителей и сейчасъ не возбуждаетъ) никакого сомнѣнія, такъ какъ въ основѣ его лежало прежде всего убѣжденіе въ единствѣ бытія. Мысль, что психика, какъ форма бытія, тѣсно примыкаетъ къ другимъ формамъ, что „тайна становленія“ (= причинности) одна и та же для всей дѣйствительности, не утратила, какъ извѣстно, своей притягательной силы и въ наши дни. Нужно было много времени, чтобы приложимость къ психикѣ естественно-научнаго понятія причинности стала проблемой¹⁾. Не забудемъ, что идея параллелизма психическихъ и матеріальныхъ процессовъ, столь вліятельная въ новѣйшей философіи благодаря Спинозѣ, тоже отодвигала эту проблему до тѣхъ поръ, пока не пришли къ сознанію, что идея параллелизма

¹⁾ Какъ извѣстно, наибольшая заслуга въ выясненіи этого принадлежитъ Вундту. См. объ этомъ ниже.

требуетъ не только независимости причинныхъ рядовъ въ матеріальной и психической дѣйствительности, — но и внутренняго различія въ характерѣ причинности въ обоихъ рядахъ¹⁾. Въ связи съ этимъ и возникла какъ разъ проблема психической причинности: для этого понятія пришла пора критической провѣрки и обработки его. Но напрасно мы будемъ искать въ систематическихъ изложеніяхъ психологіи опредѣленныхъ и точныхъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ. Такъ, одни психологи до сихъ поръ держатся взгляда, что понятіе причинности въ приложеніи его къ психикѣ сохраняетъ тотъ же смыслъ, что и въ приложеніи къ матеріальной дѣйствительности; другіе, не находя возможнымъ держаться этого взгляда, но все же считая, что общее понятіе причинности не можетъ имѣть другихъ формъ, кромѣ той, которая присуща естествознанію, отрицаютъ вообще приложимость понятія причинности къ психической сферѣ, — и лишь немногіе вслѣдъ за Вундтомъ пытаются построить особое понятіе психической причинности²⁾. Справедливо можно поэтому утверждать, что понятіе психической причинности остается въ современной психологіи въ тѣни, не смотря на фундаментальное значеніе его. Самая неопредѣленность въ пользованіи имъ, возможность столь рѣзкихъ противорѣчій въ содержаніи его могла бы даже подать поводъ думать, что для очередныхъ задачъ психологіи выясненіе этого понятія не имѣетъ существеннаго значенія. Но думать такимъ образомъ значитъ или низводить задачи психологіи до простой каталогизаціи душевныхъ явленій или забывать о томъ, что логически характеризуетъ всякую науку, имѣющую дѣло съ процессами, протекающими во времени. Лишь близорукая погоня за новыми фактами или отсутствіе настоящаго чутія ко всему своеобразію психики и къ загадкѣ психическаго развитія можетъ затемнить важность понятія психической причинности для научной обработки психологіи. Позволительно думать именно напротивъ, что критическій анализъ понятія психической причинности является наиболѣе очередной научной задачей.

4. Посвящая свой трудъ именно этой задачѣ, я не могу обойти вопроса о томъ, почему проблема психической причинности остается

¹⁾ *H. Ehrenberg* (Kritik der Psychologie als Wissenschaft. Tübingen 1910) справедливо указалъ, что даже для Канта здѣсь не было проблемы. См. напр. стр. 4—5 названнаго труда. Ср. Laas. Idealismus und Positivismus т. III, S. 381. Anm. I.

²⁾ Подробности объ этомъ см. во 2-й главѣ 2-й части настоящаго сочиненія.

столь мало разработанной. Конечно, я имѣю въ виду не выясненіе тѣхъ историческихъ или индивидуальныхъ условій, которыя отодвигали понятіе психической причинности въ тѣнь; передъ мной возникаетъ иной вопросъ, — не связано ли это не съ какими нибудь случайными условіями, а съ общими особенностями психологіи, какъ науки? Выясненіе этого вопроса имѣетъ самое существенное значеніе для насъ.

Тѣсная зависимость, въ какой психологія находилась отъ естествознанія во все время своего развитія, едва ли можетъ быть цѣликомъ сведена къ тому, что естествознаніе исторически оформилось раньше, чѣмъ психологія. Кромѣ этого историческаго и потому въ существѣ случайнаго момента, тѣсная зависимость психологіи отъ естествознанія связана также съ *трудностями самого психологическаго анализа*. Прежде всего слѣдуетъ упомянуть о томъ, что языкъ, это могучее орудіе анализа, постоянно искажаетъ описаніе психическихъ процессовъ: достаточно напр. вспомнить характеристику психики, какъ „внутренняго“ опыта въ противоположность т. наз. „внѣшнему“ опыту, чтобы понять, какъ много вносится языкомъ пространственныхъ схемъ въ психологію. Господство такихъ пространственныхъ схемъ въ психологіи должно быть поэтому систематически преодоливаемо, такъ какъ языкъ нашъ постоянно создаетъ искушеніе понимать психику по аналогіи съ данными внѣшняго опыта. Отрѣшиться отъ этой власти языка намъ никогда не удастся вполне, — и въ этомъ лежитъ, пожалуй, самая главная трудность психологическаго анализа. Познаніе внѣшняго міра потому уже легче для насъ, что его объекты доступны всѣмъ, и описаніе здѣсь всегда можетъ быть замѣнено демонстраціей объекта, — между тѣмъ какъ въ психологіи объекты изслѣдованія могутъ быть только пережиты или описаны. Важность для психологіи описаній столь же велика, какъ велика и трудность ихъ, — и здѣсь лежитъ разгадка своеобразныхъ особенностей въ развитіи психологіи. Успѣхи ея дѣйствительно могутъ часто измѣряться тѣмъ, что удалось преодолѣть психологамъ въ подведеніи психики подъ пространственныя схемы, какія аналогіи съ внѣшнимъ міромъ удалось окончательно дискредитировать.

Но мы вносимъ эти аналогіи не только въ *описанія* психическихъ явленій, — ихъ власть естественно распространяется и на попытки *объясненія* психической жизни. Принципы, найденные нами

при объясненіи процессовъ въ внѣшнемъ мірѣ, неизбежно становятся для насъ руководящими началами для рѣшенія и задачъ психологін. Такъ именно и происходило дѣло съ понятіемъ причинности: перенесеніе его изъ естествознанія въ психологію настолько связано съ общими условіями психологическаго анализа, что мы должны признать его вполне естественнымъ. Своеобразіе психологін, какъ со стороны содержанія, такъ особенно со стороны формы, очень медленно выявлялось въ исторіи психологической мысли, и мы еще увидимъ, какъ глубоко держатся нѣкоторые предрасудки даже у тѣхъ, кто сознательно ставилъ себѣ задачу „очищенія“ нашей науки отъ власти аналогін съ внѣшнимъ міромъ.

Неопредѣленность въ разрѣшеніи проблемы психической причинности связана поэтому съ самыми условіями психологическаго анализа. Въ понятіи психической причинности ярче всего должно было бы отражаться методологическое своеобразіе психологін, — а ничто вѣдь такъ поздно не осознается нами, какъ именно методологія той или иной дисциплины. Я думаю однако, что теперь пришла уже пора для выясненія методологическаго своеобразія психологін, что у насъ накопилось слишкомъ много матеріала, чтобы выступить рѣшительно противъ того *методологическаго параллелизма*, который впервые былъ съ полной ясностью сформулированъ уже Кантомъ.

б. Мы должны отмѣтить еще одну особенность современной психологін, которая являлась и является сильнымъ тормазомъ для выясненія своеобразія психической причинности. Я имѣю въ виду то смѣшеніе двухъ формъ анализа, которое наблюдается и въ естествознаніи, но которое особенно пагубно для психологін. Эти двѣ формы анализа связаны съ разрѣшеніемъ различныхъ вопросовъ: въ одномъ случаѣ мы интересуемся *составомъ* опредѣленнаго душевнаго явленія, въ другомъ случаѣ *происхожденіемъ* его. Задачи эти, конечно, совершенно различны, — но въ нѣкоторыхъ дисциплинахъ они совпадаютъ, что и является причиной смѣшенія ихъ тамъ, гдѣ ихъ должно строго различать.

Если мы интересуемся составомъ явленія, то мы стоимъ на почвѣ чистаго описанія и совершенно не поднимаемъ вопроса о томъ, какъ произошло данное явленіе. Такое чистое описаніе исходитъ изъ того, что дано намъ въ опытѣ, но пытается идти дальше опыта, вскрыть „смыслъ“ явленія, его внутреннюю структуру. Именно потому изученіе состава явленія должно вестись на наиболѣе диф-